

Нитка

Ирис
Нитка

«Автор»

2026

Ирис

Нитка / Ирис — «Автор», 2026

Он уехал в лесную глушь, чтобы сбежать от фальши, но обнаружил, что главная ложь звучала внутри него самого. Пройдя через ненависть к себе, он принял свои шрамы — и только тогда обрёл настоящий покой.

Содержание

Глава 1. Дальше карты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ирис Нитка

Глава 1. Дальше карты

Рюкзак был собран за пятнадцать минут. Мирон бросил его на плечо, не проверяя, что положил. Какая разница. Всё, что нужно, — это уехать. Остальное приложится. Или не приложится. Теперь это не имело значения.

Он вышел из квартиры и не обернулся. Дверной замок щёлкнул за спиной, и этот звук был похож на выдох. Последний. Ключи он оставил на тумбочке в прихожей. Пусть кто-нибудь найдёт. Пусть гадают.

Город встретил его сентябрьским солнцем — ярким, но уже холодным. Оно висело низко над крышами, как старая лампочка, которая вот-вот перегорит. Мирон шёл к метро и смотрел под ноги. Лица прохожих сливались в серую массу, голоса — в белый шум. Он больше не пытался различать интонации, искать в чужих словах второй смысл. Фальшь. Всё было фальшью. Улыбки коллег — фальшь. Сочувствие друзей — фальшь. Собственный смех — фальшь. Он так долго носил маску, что она приросла к лицу. И теперь, сдирая её, он чувствовал, как вместе с ней отходит кожа.

Касса на вокзале. Пожилая женщина в синем форменном платке долго смотрела на него поверх очков.

— Куда?

— Куда-нибудь.

Она моргнула. Мирон положил на стойку деньги и ткнул пальцем в карту, висевшую на стене. Палец попал в точку без названия — только номер километра на железнодорожной ветке, тонкой, как нитка, которую вот-вот оборвут.

— Это тупиковая, — сказала кассирша. — Дальше ничего нет.

— Хорошо.

Она пожала плечами и протянула билет. Маленький, розовый, с выцветшей печатью. Мирон взял его двумя пальцами, как берут насекомое. Билет в никуда. Смешно. Когда-то он слышал это выражение от кого-то — кажется, от женщины, которая сидела напротив него в офисе и вечно пила растворимый кофе с комочками. «Мечтаю взять билет в никуда», — говорила она. И смеялась. И никто не верил.

Теперь он держал его в руках.

Электричка была почти пустой. Мирон сел у окна и прижался лбом к холодному стеклу. Вагон пах железной дорогой — смесью машинного масла, старой обивки и дешёвого табака. За окном поплыли пригороды: серые многоэтажки, гаражи, ржавые заборы. Потом — дачные посёлки. Потом — просто лес.

Лес.

Он начинался внезапно, как будто кто-то провёл черту и сказал: «Здесь заканчиваются люди». Деревья стояли золотые, медно-красные, лимонно-жёлтые. Осень уже вступила в полную силу. Мирон смотрел на них и не чувствовал ничего. Красота, которая не трогает. Декорация. Тоже фальшь?

Электричка дёрнулась и остановилась. Платформа — две бетонные плиты и столб с номером. Никакого названия. Мирон вышел. Двери за его спиной с шипением закрылись, и поезд уполз дальше, в тупик, чтобы развернуться и уйти обратно в город. В тот мир, который Мирон только что покинул.

Тишина ударила в уши.

Он постоял минуту, привыкая. Воздух здесь был другим — холодным, резким, пахнущим прелой листвой и чем-то ещё, чему Мирон не знал названия. Смола? Грибы? Земля? В городе так не пахло. В городе всё пахло людьми.

Он поправил рюкзак и пошёл.

Лес начинался сразу за платформой. Никакого перехода, никакой калитки — просто тропа, уходящая в золотую чашу. Мирон ступил под кроны, и солнечный свет сразу изменился. Он стал косым, слоистым, процеженным через листву. Пылинки танцевали в этих лучах, как мошки. Под ногами шуршали листья — красные, жёлтые, бурые. Они лежали толстым ковром, влажные снизу, сухие сверху. Каждый шаг отдавался громким хрустом.

Ветка зацепила его за плечо. Он дёрнулся, обернулся — никого. Просто дерево. Просто сук, который оказался ниже, чем он думал. Мирон пошёл дальше. Ещё одна ветка хлестнула по лицу, на этот раз больнее. Он остановился. На щеке выступила капля крови — крошечная, как булавочная головка.

Лес проверял его.

Мирон стёр кровь рукавом и двинулся глубже. Тропа то появлялась, то исчезала под листвой. Он сверялся с компасом на телефоне, но сеть пропала почти сразу. Ни одной полоски. Только значок «Нет сигнала» — перечёркнутая антенна. Он убрал телефон в карман. Так даже лучше.

Стволы обступали его со всех сторон. Сосны, ели, берёзы, осины. Их кора была шершавой, тёплой на ощупь там, где солнце успело нагреть, и холодной в тени. Мирон заметил, что птицы замолкают, когда он приближается. Сначала трель — потом тишина. Он шёл, и тишина шла впереди него, как невидимый посланник. «Чужой. Чужой идёт».

Корень вынырнул из-под листвы именно там, где Мирон поставил ногу. Он споткнулся, упал на одно колено. Ладонь вдавилась в мокрую листву. Холод просочился сквозь ткань штанов. Мирон встал, отряхнулся. Ничего страшного. Но осадок остался — не грязь на колене, а чувство, что падение не было случайным.

Он шёл около двух часов. Лес не кончался. Наоборот, он становился гуще, темнее. Солнце клонилось к закату, и золото вокруг начало темнеть, наливаясь медью, а потом — кровью. Мирон ускорил шаг. Где-то здесь, если верить карте, которую он сфотографировал на телефон, должна быть избушка. Старый охотничий домик. Зброшенный или почти заброшенный. На карте он был обозначен крошечным квадратиком, даже без подписи.

Он вышел к ней, когда сумерки уже ступились.

Избушка стояла на небольшой поляне. Неказистая, приземистая, сложенная из потемневших от времени брёвен. Крыша провалилась в одном месте, но в остальном — целая. Труба. Крыльцо в три ступеньки. Окно, затянутое мутной плёнкой, за которой не было видно ничего.

Двор засыпан листвой по щиколотку. Лес не просто окружил избушку — он пытался её поглотить, затянуть обратно в себя. Ветки нависали над крышей, как руки, сложенные шалашом.

Мирон подошёл к крыльцу. Ступеньки скрипнули под его весом — жалобно, протяжно. Дверь была прикрыта, но не заперта. Он потянул за ручку — старая, кованая, холодная. Дверь нехотя поддалась, издав такой же скрип, как ступеньки.

Внутри пахло пылью, деревом и чем-то ещё — сладковатым, как старый воск. Темнота стояла плотная, почти осязаемая. Мирон включил фонарик на телефоне. Луч выхватил стол у окна, печку в углу, железную кровать с панцирной сеткой. Всё было покрыто слоем пыли, но не запустения — скорее, забвения. Как будто кто-то ушёл отсюда давно, но не навсегда. Просто вышел. Просто задержался.

Он перешагнул порог.

Тишина внутри была другой — не такой, как снаружи. Там, в лесу, она была живой, полной шорохов и вздохов. Здесь — мёртвой. Гулкой. Мирон слышал собственное дыхание, слышал, как бьётся сердце, как кровь шумит в ушах. Город остался где-то там, в другой реальности. Он больше не существовал.

Мирон бросил рюкзак на кровать. Облако пыли поднялось в воздух, затанцевало в луче фонарика. Он подошёл к окну, попробовал открыть — не поддавалось. Присохло. Или кто-то забил снаружи.

Он вышел на крыльцо. Лес вокруг стоял чёрный, молчаливый. Небо на западе ещё светилось — узкая полоска бледно-лимонного света, зажатая между кронами и горизонтом. Остальное пространство заполнила тьма.

И тогда он почувствовал это. Взгляд.

Кто-то смотрел на него из-за деревьев. Не зверь — зверя он бы услышал. Нечто иное. Само место. Лес смотрел на него и молчал.

Мирон поёжился, но не отвёл глаз. Он тоже смотрел. Человек и лес. Пришелец и хозяин.

— Ну, здравствуй, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо, сипло. Он не говорил уже несколько часов — с того самого момента, как купил билет.

Лес не ответил. Только ветер прошёлся по кронам, и несколько листьев сорвались с веток, закружились в воздухе. Один упал прямо к ногам Мирона. Кленовый. Ярко-красный. С чёрными пятнышками гнили по краям.

Мирон наклонился и поднял его. Лист был холодный и влажный. Он повертел его в пальцах, сам не зная зачем. Потом заметил кое-что ещё. У самой ступеньки, на ковре из жёлтых листьев, лежало птичье перо. Тёмное, почти чёрное. Вороны или ворона — он не знал. Просто чёрное перо с синим отливом.

Он поднял и его. Покрутил. Поднёс к лицу. От пера пахло дымом. Слабо, едва уловимо, но неоспоримо. Как будто его только что вынули из костра.

Мирон оглянулся на лес. Тьма сгустилась. Полоска света на горизонте почти исчезла.

Он зашёл в избушку, закрыл дверь, подпёр её старым табуретом. Сел на кровать. Перо положил на подоконник. Лист — рядом.

В печке, к счастью, остались дрова. Старые, трухлявые, но сухие. Через полчаса он развёл огонь. Пламя занялось неохотно, дым пошёл в трубу, но часть выбилась в комнату. Мирон закашлялся, открыл дверь — проветрить. Лес за порогом был уже полностью чёрным.

Когда дрова разгорелись, он снова закрыл дверь и сел у печки. Огонь плясал за чугунной решёткой. Тени метались по стенам. Впервые за долгое время Мирон остался один.

По-настоящему один.

Не с кем было играть роль. Не перед кем было держать лицо. Можно было снять маску. Но когда он потянулся к лицу, он не нашёл её. Она была всё ещё там. Она была частью кожи.

— Чёрт, — прошептал он.

Печка гудела. Ветер за окном усиливался. Лес начинал свой ночной разговор.

Мирон лёг на кровать, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок. Где-то в углу скрипнула половица — просто от перепада температуры, сказал он себе. Просто от того, что дом старый. Просто от того, что...

Он закрыл глаза.

Сон пришёл не сразу. Но когда пришёл — глубокий, чёрный, без сновидений. Лес за окном стоял на страже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.